

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.73.54.036

Установление причинно-следственной связи между нарушением договора и возникшими убытками

Черняков Даниил Денисович

Студент,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербургский филиал),
190008, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
ул. Союза Печатников, 16;
e-mail: chernyakovich.d@yandex.ru

Аннотация

Наиболее трудным вопросом при судебном взыскании убытков остается определение причинно-следственной связи между нарушением обязательства и причиненными убытками. Введенные изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации очистили практику от совершенно необоснованных отказов в возмещении в случаях недоказанности размера убытков, однако проблема неопределенности в вопросе пределов доказывания остается. В данной работе предлагается вариант совершенствования российского законодательства в вопросе бремени доказывания причинно-следственной связи для потерпевшего. В работе исследован европейский опыт по данному вопросу, на основе которого предлагаются вывести новые критерии подтверждения достаточности причинной связи для возложения бремени по возмещению убытков на нарушителя.

Для цитирования в научных исследованиях

Черняков Д.Д. Установление причинно-следственной связи между нарушением договора и возникшими убытками // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 5А. С. 181-190. DOI: 10.34670/AR.2021.73.54.036

Ключевые слова

Нарушение договора, убытки, причинно-следственная связь, договорные убытки, объективный и субъективный критерии.

Введение

Взыскание убытков характеризуется особой взаимосвязью с процессуальной стороной разрешения споров. Для большинства иных мер ответственности или способов защиты, конечно, важной чертой всегда будет оставаться проблема доказывания суду или арбитраж обоснованности осуществления такой меры. В этом и раскрывается роль независимой третьей стороны – беспристрастная оценка убедительности доводов в пользу того или иного присвоения. Особенность возмещения убытков в этом отношении заключается в необходимости доказывания не только факта наличия притязания (основания для требования), но и размера такого притязания.

Развитие законодательства в сторону облегчения для заявителя бремени доказывания и перекладывание на суд принятия решения об определении размера судебного взыскания убытков привело ко второму открытию для потерпевших самой меры взыскания убытков, а значит, и к возрастанию роли причинно-следственной связи для применения мер ответственности. Учитывая прежний строгий подход, взыскание убытков представлялись неэффективным способом защиты. Их заявление возлагало несоразмерно большие требования на заявителя, в результате чего избирались иные меры защиты, например взыскание неустойки, или же размер заявленных убытков занижался самим заявителем до сумм, в отношении которых связь с нарушением была очевидна.

Тем не менее, отказ от взыскания убытков представляется лишь ограничивающим потерпевшего в его возможностях по восстановлению своего положения, поскольку взыскание убытков принято считать универсальным способом восстановления своего положения, не препятствующим более специальным мерам. Уменьшение же суммы требований заведомо ставит потерпевшего в положение проигравшего, так как отказ от любых денежных сумм, утрата которых нуждается в тщательном доказывании, означает недостижение заявителем того положения, в каком он бы находился без нарушения обязательства.

Новая практика доказательств размеров убытков, конечно, имела свой положительный эффект, предоставила заявителям возможность применять положения о взысканиях по ст. 393 ГК РФ в максимально широких пределах, без необоснованных ограничений прав на возмещение утраченного. Тем не менее, не стоит также полагать, будто теперь взыскание убытков не требует от потерпевшего усилий. Требования судов к наличию доказанной причинно-следственной связи осталось достаточно строгим, что подтверждается прохождением некоторых дел вплоть до Верховного Суда РФ в связи с отказом на основании недоказанности наличия связи.

Более того, стоит отметить, что в настоящий момент практика так и не стала полностью отвечающей даже законодательному предписанию, местами оставаясь прежней в части категоричного отношения к доказательствам, предъявляемым потерпевшим. Встречаются даже случаи, когда отказ в удовлетворении требования об убытках на основании недоказанности размера причинения, и это при том, что п. 5 ст. 393 ГК РФ был введен конкретно для пресечения такого подхода.

Продолжение прежней практики после стольких предпринятых попыток ее изменения свидетельствует о том, что возмещение убытков все еще не достигло того предела, чтобы считаться достаточно эффективной мерой. Сохраняется предвзятое отношение, дающее повод к углублению проблемы и нахождению новых способов поддержки потерпевшего.

Основная часть

Не стоит ожидать ни от материального, ни от процессуального законодательства установления регламентирующих правил определения того, что должно быть учтено в качестве причиненных убытков для каждого возможного случая [Брагинский, Витрянский, 2020, с. 648]. Все-таки взыскание убытков определяется как общий способ защиты, что не позволяет определить перечень всех возможных ситуаций, для которых можно определить правила исчисления убытков. Тем более представляется невероятным установление правил о квалификации каждой суммы как однозначно подпадающей под причиненные убытки. Простым перечислением казуистических случаев возникновения убытков вследствие нарушений, даже взяв более узкую сферу нарушения договоров, проблемы обоснования понесенного вреда не решить. Практичным подходом будет ориентир на универсальные правила, «доказательные сито».

Установление законом общих правил учета причинной связи для определения размера подлежащих взысканию убытков также не имеет в настоящий момент точных подтверждений, хотя практика и указывает на необходимость в таких нормах [Витрянский, 2018, с. 390]. В связи этим остается ориентироваться на отечественный доктринальный опыт, учитывая уже разработанную научную базу теорий соотношения юридических связей причин и следствий. Иным источником для исследования может выступить зарубежный опыт с обращением особого внимания на близкие по духу закона страны континентального права. В зарубежном законодательстве данному вопросу уделяется все же больше внимания.

Если обращаться к французскому законодательству, то ему известны две характеристики «вреда и убытков», которые определяют пределы взыскания за причиненный ущерб относительно всей массы возникающих потерь. Первая из них – это предвидимость таких «вреда и убытков», регламентированная в ст. 1150 ГК Франции. Так, Кодекс устанавливает ограничение, действующее в качестве защиты причинителя вреда, согласно которому у него, по общему диспозитивному правилу, возникает обязанность по возмещению только того вреда, который он имел возможность предвидеть. Исключение здесь составляет причинение вреда со злым умыслом, приводящее к обязанности по возмещению любого причиненного вреда, и здесь же сразу приходит на ум аналогия с п. 4 ст. 401 ГК РФ, правда и касающаяся полного освобождения от ответственности против установления пределов возмещения. Тем не менее, мотивация нормы ГК РФ и обоснование критерия взыскания убытков совпадает и заключается в признании причинения умышленного вреда заведомо противоправным, а освобождение от такого вреда – заведомо несправедливым [Байбак, 2016, 143].

Критерий предвидимости можно охарактеризовать как субъективный тест на определение причинно-следственной связи, он же является первичным критерием отбора допустимых для вменения убытков. Мера явно направлена на защиту причинителя в той мере, в какой не допускается возложение на него того вреда, который при его разумных ожиданиях он мог допустить своими же действиями. Таким образом, французский закон вводит характеристику, применяемую параллельно с определением вины причинителя (поскольку понятие вины также в кодексе присутствует), но при этом больше привязанную к ожиданиям нарушителя о связи нарушения с убытками в то время, как вина выражает ожидание о допустимости самого нарушения.

Интересное наблюдение заключается в том, что по французской модели такая субъективная

категория определения вменяемых убытков является определяющей по отношению к более значимой характеристике непосредственности причинения (ст. 1151 ГК Франции). Установлено, что только предвидимые нарушителем убытки могут проверяться на наличие прямой и непосредственной связи с тем, чтобы они подлежали взысканию. Данная характеристика уже выступает вопросом факта – действительно ли конкретно взятые убытки составляют последствия неисполнения обязательства [Пляниоль, 1911, с. 40]. Характеристика сформулирована в общих словах и не представляет того самого механизма разделения причиненных убытков и возникших в силу иных обстоятельств. Однако заведомое включение в данный критерий условия предвидимости, а также возникновение судебной практики, основанной на определении границ непосредственности в понимании нормы во многом способствует нахождению как минимум примерных пределов для взыскания. В этом отношении само наличие формулировки о критериях, через которые определяется причинная связь, обладает ценностью, поскольку суды вынуждены обращаться к толкованию этих критериев, формируя судебную практику, на которую правовая система Франции серьезно опирается в нынешнее время [Давид, Жоффе-Спинози, 2019, 110-112].

Относительно немецкого подхода ко взысканию убытков, говорить о законодательном определении условий установления причинной связи не приходится. В этой части Германское гражданское уложение не содержит специальных норм, отделяющих убытки, которые подлежат взысканию, от иных потерь кредитора. В отношении договорных убытков определен лишь предельный размер возмещения, подтверждающий действие того же принципа позитивного договорного интереса. Буквально в § 307 ГГУ заявлено, что размер ответственности нарушителя не должен превышать размер выгоды, на которую был вправе претендовать пострадавший от нарушения. В понимании немецкой доктрины, сформированной под действием судебной практики, нарушение должником договора, которое угрожает цели его заключения кредитором, приводит к иному обязательству должника. При этом такое обязательство возникает параллельно с одной из классических форм договорной ответственности¹, дополнительно по отношению к ней, и поэтому носит название позитивного нарушения договора.

Тем не менее, установленное ограничение размера, как и в случае российского законодательства, никоим образом не характеризует такие убытки с точки зрения доказывания их связи с действиями должника.

Чересчур широкие пределы взыскания, основанные на ограниченности ГГУ в вопросе допустимости признания потерь причиненными убытками, в итоге были ограничены через доктрину, которая по аналогии с судебными решениями во Франции и в той же Германии, также имеет вес в вопросе правоприменения [Давид, Жоффе-Спинози, 2019, 121-122]. Доктрина, в свою очередь, развивала сформулированную идею Верховного имперского суда Германии, который использовал положения английских прецедентов (Тест для определения убытков был сформирован в деле английского суда *Hadley v. Baxendale* [1854] EWHC Exch J70 (1854) 9 Ex

¹ В немецкой правовой системе нет общего понятия, определяющего нарушение договора. Существуют две разновидности нарушения, определенные как «невозможность исполнения» и «просрочка исполнения», которые изначально воспринимались как исчерпывающий перечень оснований для возникновения обязательства из нарушения договора. В дальнейшем перечень оснований был расширен за счет введения новой категории, применяемой с одной из данных форм, и при этом защищающей самоценность интереса кредитора в приобретении положения, в котором он бы находился при должном исполнении должника.

Ch 341; 156 ER 145.). Верховным судом была дана оценка, по которой взыскание убытков за нарушение договора допускалось в той части, в которой была доказана адекватная причинно-следственная связь. Адекватная причинная связь доказывалась путем установления факта, что такие убытки для обеих сторон договора выступали в качестве разумно ожидаемого следствия нарушения договора со стороны должника [Zimmermann, 1992, 830]. Последствия, о которых стороны и думать не могли в момент возникновения их отношений, таким образом, на должника не возлагались, реализуя идею баланса интересов сторон [Цвайгерт, Кетц, 2018, 605].

Аналогично французским мерам по регулированию подлежащих взысканию убытков, фактор адекватной причинности имеет также общую и абстрактную формулировку, которую еще предстоит применить суду в конкретном деле. Сама теория, вследствие ее создания также повлекла только новую волну вопросов о ее применении, в частности вопрос о разграничении вопросов доказывания связи между действиями должника и причиненным вредом, в сопоставлении со связью между причиненным вредом и наступившими убытками [Zimmermann, 1992, 990].

Несмотря на неоднозначность в понимании такой теории, само ее наличие, даже с примерным определением значения адекватной причинности, все же дает судам и заявителю по спору некое представление о том, что предстоит доказать в части их субъективного представления о причинной связи для удовлетворения требования. В этом случае уже можно утверждать о наличии определенной цели, на которую будут направлены аргументы о фактических обстоятельствах дела.

Главным достижением формирования этой теории стало то, что суды действительно восприняли ее как непосредственную часть состава возмещения договорных убытков в качестве уточненного условия о причинно-следственной связи. Механизм обрел практическое значение для суда, а значит, встал наравне с нормой законодательства при реальном правоприменении для случаев споров.

Выше уже было отмечено, что российское законодательство, так же как и устоявшаяся судебная практика, не предлагают никаких общих критериев или правил, применимых к установлению размера взыскания убытков на основании причинно-следственной связи. Судебная практика предусматривает причинно-следственную связь нарушения и убытков в качестве обязательного условия взыскания, о чем сказано в Пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», но практика ограничена только общим понятием, фактически оставляя за сторонами полную свободу в толковании достаточности такой причинной связи. В этом отношении наше правоприменение можно признать отстающим от французского, с его законодательными ограничительными установками, или немецкого, с его закрепленной судебной практикой, признанной в качестве применимого правила нижестоящими судами.

Положение догоняющих, тем не менее, не означает, что в России данному вопросу совсем не уделялось внимания. Доктрина предлагала множество теорий причинной связи, которые можно было бы рекомендовать для включения в содержание законодательства или их применения без нормативной основы, но имея о них представление².

² Предложений собственных теорий было множество, при том, что зачастую теории не сильно отличались одна

Представляется, что наиболее подробным и в то же время приближенным к истине является двухступенчатый подход объективной связи и справедливого вменения. Подход кажется довольно схожим с предусмотренными правилами определения по французскому Гражданскому кодексу, но с тем различием, что в данном «тесте» в качестве первичной оценки устанавливается объективный критерий связи, а уже при установлении такой объективной связи появляется смысл говорить о возможностях по взысканию в зависимости от субъективного восприятия нарушителя вреда, который он мог бы причинить. Субъективный критерий становится применимым, только если соблюден объективный критерий.

Первый этап проверки причинной связи, или как о нем говорят – критерий объективной причинности – направлен на определение тех убытков, необходимым условием которых выступает противоправное поведение должника. Необходимость причины как свойство, благодаря которому выстраивается непосредственная связь между нарушением и убытками, в свою очередь, существует при том условии, что отпадение обстоятельства нарушения приводит к отпадению обстоятельств причинения предусмотренных убытков. Нарушение рассматривается как условие, без которого возникновение убытков стало бы невозможным, как условие *conditio sine qua non* [Витрянский, 2018, 719].

Отнесение нарушения к необходимым условиям конкретной суммы убытков в более детальном описании выступает в качестве обстоятельства, доказываемого стороной спора через установление фактических обстоятельств. Более глубокое погружение в природу связи нарушения и вреда означает рассмотрение конкретных случаев, характерных для индивидуального спора, и подбор отдельных правил для них был бы бессмыслен в силу излишней казуистичности. Представленный критерий необходимости нарушения уже достаточно однозначен, чтобы подбирать для него уточненные правила.

Применительно к рассматриваемому вопросу Верховный Суд РФ разъяснил, что для целей установления причинной связи предполагается, что такая связь с доказанными убытками существует, если допущенное нарушение является нормальным и типичным для оборота следствием такого нарушения (Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). Против этого разъяснения можно возразить, что Верховный Суд РФ только указал на обстоятельство, которое необходимо подтвердить заявителю, но не разработал методики по доказыванию и, следовательно, мало помог судам в разрешении соответствующих споров. Однако стоит отметить, что заявленная презумпция может применяться с выгодой для потерпевшего. Его выгода при доказывании проявляется в том, что ему приходится не доказывать естественность следствия допущенного нарушения в виде убытков, а проводить аналогию нарушения с теми нарушениями, для которых убыток уже признан нормальным и очевидным для участников оборота следствием. Примером такого простейшего случая признания выступает причинно-следственная связь между нарушением со стороны субподрядчика и убытками, взысканными с генерального подрядчика по основному договору.

Следующим критерием для признания обоснованной причинной связи является проверка на

от другой. Можно вспомнить о теориях, «необходимой и случайной причинной связи» (поддерживаемая в цивилистических кругах Л.Н. Лунцом, Е.А. Флейшиц), «возможности и действительности» (автор О.С. Иоффе), «необходимой причинной связи» (авторы - В.П. Грибанов и В.И. Кофман), а также иных (См. [12, с. 719-723).

субъективное восприятие таких убытков нарушителем. Это также напоминает французский критерий предвидимости, ограничивая ответственность должника в том размере убытков, какой мог быть для него ожидаем в момент заключения договора.

Доктрина, в свою очередь, частично объективирует данный критерий, рассматривая его не только в восприятии должника, но и оценивая, насколько подобные убытки типичны для совершенного нарушения, насколько разделены в цепи причин и следствий нарушение и убытки, насколько очевидно можно утверждать о причинно-следственной связи.

В данном положении также прослеживается желание уберечь должника. Впрочем, не стоит полагать, что через такой фильтр ожидаемости последствий складывается незаслуженно благосклонное отношение к должнику. Оберегают должника от взыскания таких убытков, которых он при всей своей добросовестности не мог ожидать от случившегося.

Уже было сказано, что при применении предыдущего критерия надлежит более мягко относиться к заявителю, учитывать его доказательственные возможности и не вынуждать его устанавливать прямые исключительно индивидуальные связи. Оборот подразумевает постоянное влияние множества факторов, среди которых нарушение может просто затеряться и остаться незамеченным. Поэтому для заявителя рекомендуется установить минимально допустимый стандарт доказывания, когда от него требуется подтвердить необходимость условия о нарушении, чтобы делать выводы о связи нарушения с убытками.

Этот лояльный режим необходимо компенсировать должнику с тем, чтобы вернуть баланс интересов участников спора в равновесие. По этой причине, хоть потерпевший и получает возможность взыскания с должника в вину предельно широкого круга потерь, должник посредством возражений может исключить какие-то суммы из своей ответственности благодаря доказательству того, что он не мог ожидать убытков в таком размере.

Обоснованность такого выгодного для нарушителя подхода к ограничению его ответственности по размеру также подтверждается тем, что сейчас этот подход в Европе считается общепризнанным, даже если он не встречается в законодательных актах всех стран. Унифицированные акты, а также международные договоры проявляют здесь одинаковый подход.

Уступки, предоставляемые каждой из сторон на своем этапе формирования размера вменяемых убытков, таким образом, сохраняют баланс интересов с тем, чтобы добиваться справедливости решений невзирая на столь большой спектр возможных нарушений договора и еще больший спектр потенциальных источников убытков.

Что касается выбора в пользу первичности объективного критерия двухуровневом тесте вопреки французскому подходу, представляется, что такой подход наиболее приближен к реальности. Предлагаемый французский вариант ставит во главу угла осознание любой потери нарушителем для возможности дальнейшей ее оценки на связь с противоправными действиями. Однако проведение первичного отсеивания, как это воспринимается, стоит проводить по основанию для взыскания убытка. Таким способом сразу устраняем все возможности по гипотетическому «навешиванию» на нарушителя того ущерба, который он вовсе и не причинял, поскольку его действия совершенно не связаны с таким ущербом. На данном этапе не так важно отношение к ним нарушителя, не важно, какие убытки мог предусмотреть нарушитель, если такие убытки вне его зоны ответственности. В дальнейшем уже, при ограждении ущерба, которые действительно причинил нарушитель, имеет смысл применить ограничительную норму через субъективный тест. По этим соображениям предложение по совершенствованию

квалификации убытков включает, в первую очередь, объективный критерий, к которому в целях баланса интересов присоединяется критерий субъективный.

Заключение

Делая краткие выводы, стоит отметить, что появление даже таких минимальных критериев, раскрывающих понятие причинной связи, как те, что были рассмотрены выше, серьезно способствует прозрачности установления позиции суда по спору, в частности поможет понять, в какой части судья не признал надлежащей причинно-следственную связь. Описанный двухступенчатый тест является простым в применении, поэтому и подходящим для широкого круга различных фактических обстоятельств, которые бы подошли для их просеивания через такой фильтр. Таким образом, подобный тест является компромиссным решением, отвечающим и условиям универсальности возмещения убытков и необходимости раскрытия представлений суда о достигаемом результате.

Библиография

1. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). 2010 // СПС «КонсультантПлюс»
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11.08.1980 г. // СПС «КонсультантПлюс»
3. Гражданское уложение Германии от 18.08.1896 г. // СПС «КонсультантПлюс»
4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 г. // СПС «КонсультантПлюс»
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2018 г. N 18-КГ18-181 // СПС «КонсультантПлюс»
6. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.12.2020 N Ф02-6009/2020 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Постановление ФАС Северо-западного округа от 14.07.2014 г. по делу № А44-4756/2013// СПС «КонсультантПлюс»
8. BGH, Urteil vom 5. November 1951 - I ZR 106/50, BGHZ 2, 138.
9. BGH, Urteil vom 13. November 1953 - I ZR 140/52, BGHZ 11, 80.
10. Байбак В.В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. – 2016. №10. – С. 132-143.
11. Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. - 4-е изд. - М.: Статут, 2020. - 847 с.
12. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. - 2-е изд. - М.: Статут, 2018. - 528 с.
13. Давид Р., Жоффе-Спинози К. Основные правовые системы современности; пер. с фр. В.А. Туманова, - М.: Международные отношения, 2019. - 456 с.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный) : учебно-практический комментарий / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко и др. ; под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2019.; Электронный ресурс.. - URL: <http://ebs.prospekt.org.proxylibrary.hse.ru/book/40398>. - 1280 с. (дата обращения: 07.03.2021).
15. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2020. – 1104 с.
16. Пляниоль М. Курс французского гражданского права. Часть первая. Теория об обязательствах. - Петроков: Типография С. Панского, 1911. - 976 с.
17. Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право: в 2 т.: пер. с нем. Том I. Основы. Том II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. - М.: Международные отношения, 2019. - 728 с.
18. Das Problem des Kausalzusammenhangs im Privatrecht, in: Hans G. Leser (Hrsg.), Ernst von Caemmerer. Gesammelte Schriften, Tübingen 1968, S. 395-410.
19. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. – Ed. 2. - Cape town, Republic of South Africa.: Rustica Press, 1992. 1241 p.

Establishing a causal relationship between the violation of the contract and the resulting losses

Daniil D. Chernyakov

Student,
Higher School of Economics – National Research University (Saint Petersburg branch),
190008, 16, Soyuz Pechatnikov str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: chernyakovich.d@yandex.ru

Abstract

The most difficult issue in the judicial recovery of losses remains the determination of the causal relationship between the violation of the obligation and the losses caused. The introduced amendments to the Civil Code of the Russian Federation have cleared the practice of completely unjustified refusals to compensate in cases of unproven amount of losses, but the problem of uncertainty in the issue of the limits of proof remains. In this paper, we propose a variant of improving the Russian legislation on the issue of the burden of proof of a causal relationship for the victim. The paper examines the European experience on this issue, based on which it is proposed to derive new criteria for confirming the sufficiency of a causal relationship to impose the burden of compensation for damages on the violator.

For citation

Chernyakov D.D. (2021) Ustanovlenie prichinno-sledstvennoi svyazi mezhdunarusheniem dogovora i vznikshimi ubytkami [Establishing a causal relationship between the violation of the contract and the resulting losses]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (5A), pp. 181-190. DOI: 10.34670/AR.2021.73.54.036

Keywords

Breach of contract, losses, causal relationship, contractual losses, objective and subjective criteria.

References

1. Principles of international commercial contracts (Unidroit Principles). 2010 // SPS "ConsultantPlus"
2. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 11.08.1980 // SPS "ConsultantPlus"
3. The Civil Code of Germany of 18.08.1896 // SPS "ConsultantPlus"
4. The Civil Code of France (the Code of Napoleon) of 21.03.1804 // SPS "ConsultantPlus"
5. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.10.2018 N 18-KG18-181 // SPS "ConsultantPlus"
6. The decision of the Arbitration court of the East Siberian district from 01.12.2020 N F02-6009/2020 // SPS "Konsultantplyus"
7. Resolution of the Federal North-West district from 14.07.2014 on the case № A44-4756/2013// SPS "Konsultantplyus"
8. BGH, Urteil vom 5. November 1951 - I ZR 106/50, BGHZ 2, 138.
9. BGH, Urteil vom 13. November 1953 - I ZR 140/52, BGHZ 11, 80.
10. Baibak V. V. General conditions of liability for violation of obligations in Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation: old rules in a new context // Law. - 2016. No. 10. - pp. 132-143.
11. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law: general provisions. - 4th ed. - Moscow: Statute, 2020. - 847 p.
12. Vitryansky V. V. Reform of the Russian civil legislation: interim results. - 2nd ed. - Moscow: Statute, 2018. - 528 p.
13. David R., Joffe-Spinosi K. The main legal systems of modernity; trans. from the French V. A. Tumanov, - M.:

- International Relations, 2019. - 456 p.
14. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part one (article-by-article): educational and practical commentary / E. N. Abramova, N. N. Averchenko, etc.; edited by A. P. Sergeev. - 2nd ed., reprint. and add. - Moscow: Prospekt, 2019.; Electronic resource.. - URL: <http://ebs.prospekt.org.proxylibrary.hse.ru/book/40398>. - 1280 p. (accessed: 07.03.2021).
 15. The main provisions of civil law: an article-by-article commentary on Articles 1-16. 1 of the Civil Code of the Russian Federation / A.V. Asoskov, V. V. Baibak, R. S. Bevzenko, etc.; ed. by A. G. Karapetov. - Moscow: Statute, 2020. - 1104 p.
 16. Planiol M. Course of French civil law. Part one. The theory of obligations. - Petrokov: Printing house of S. Pansky, 1911. - 976 p.
 17. Zweigert K., Kötz H. Comparative private law: in 2 vols.: trans. from it. Volume I. The basics. Volume II. Contract. Unjustified enrichment. Tort. - M.: International Relations, 2019. - 728 p.
 18. Das Problem des Kausalzusammenhangs im Privatrecht, in: Hans G. Leser (Hrsg.), Ernst von Caemmerer. Gesammelte Schriften, Tübingen 1968, S. 395-410.
 19. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. – Ed. 2. - Cape town, Republic of South Africa.: Rustica Press, 1992. 1241 p.